

ЗЕМЛЯКИ

МАРК БЕРКОЛАЙКО

Прыжки

Рассказ

Марии Ласицкене, олимпийской чемпионке, с восхищением и благодарностью за её прыжки на фантастическую высоту 206 сантиметров;

Александрю Ивановичу Куприну с восхищением и благодарностью за рассказ «Леночка» – один из его взлетов на фантастическую высоту.

I. Разминка и разбег

Кто из нас не мечтает о хороших должностях, высоких званиях и осязаемых премиях? – но соискатели заявляют об этом громко, а скромняги ждут, пока их на что-нибудь этакое номинируют другие.

Наш герой еще в юности решил, что он – из Соискателей. Именно так, с большой буквы, а имя его, фамилия и прочие анкетные данные для нас не существенны.

В отличие от того факта, что однажды он вынужден был пристроиться в затылок двадцати двум другим «соищущим»:

- замороженного мяса (говядины и свинины);
- сосисок, тонких и вытянувшихся, как кадеты, которые поверили, будто выполнение команды «Смирно!» делает их бравыми вояками;
- сарделек, надутых, как полковники, коих вот-вот произведут в генералы;
- сырокопченой колбасы, где сырости всегда больше, чем копчености.

А до этой минуты насупленного мартовского дня 1985 года, оставив сумку в камере хранения Павелецкого вокзала, он доехал до МГУ, при котором пребывал официально оформленным соискателем ученой степени доктора физико-математических наук, сделал там успешный доклад на семинаре всемирно известного ученого – после чего устремился выполнять последний, но обязательный пункт программы: купить максимум мяса и мясопродуктов.

Однако черта лысого! Пока очередной советский генсек тихо помирал в Кремлевке, солидарная с ним советская пищевая промышленность тихо помирала повсеместно, и в мясные отделы двух давно «пристрелянных» Соискателем гастрономов – того, где тихо дремала Катя, и того, где улыбалась Лиля, – не завезли в этот день ничего! И лишь в третьем, куда он заскочил от отчаяния и где никто его не ждал ни в дреме, ни с улыбкой, царило изобилие – результат того, что накануне ночью в убойном цехе комбината имени Микояна закончили свой земной путь несколько нетельных коров, уставших рожать свиноматок и не брызжащих спермой быков и хряков.

Первая счастливица, пробыв у прилавка примерно три минуты, заспешила к кассе. «Таким образом, – размышлял Соискатель, – можно допустить, что на двадцать два (включая меня) человека уйдет один час шесть минут.

Домчаться за полчаса до вокзала трудно, а за четверть часа спуститься в автоматическую камеру хранения, достать из ячейки сумку, подняться на перрон и поспеть к шестнадцатому, последнему вагону поезда еще труднее.

Однако зря ли я качаюсь три-четыре раза в неделю?

Правда, потом еще топать через весь состав в свой пятый вагон: дверь в тамбур, дверь в переход, дверь из перехода в тамбур следующего вагона и так далее... Итого сорок четыре двери, а руки заняты».

Но не сомневался: и это одолеет, и стерпит воркотню проводниц по поводу того, что через непрочные швы его старых пакетов капает и подтекает.

Зато как завтра утром будет счастлива жена! Так счастлива, что, гордясь добычивым мужем, забудет спросить, как прошел вчера его доклад.

«А если кто-то из впереди стоящих заспорит с продавщицей? – сомнения все же навалились. – И займет это не три, а пять минут?! А если таких идиотов и идиоток окажется несколько?! А если в камере хранения заест замок ячейки?! Или вдруг... Или...».

В общем, капитану суперлайнера «Титаник», отплывшего из Саутгемптона курсом на Нью-Йорк, будущее представлялось гораздо более лучезарным, нежели Соискателю, томящемуся в очереди за час сорок пять минут до отхода поезда – однако все эти его тревоги смыло океаническим приливом адреналина, едва прошелестел слухок, будто в одни руки отпускается не более трех килограммов.

Сказал всем и никому:

– Друг, небось, заждался, пойду перекурю! Кстати, граждане, очередь я и на него занял!

Высочил на улицу, огляделся, и ура! – у витрины маялся мужичок, пришедший в ясное сознание и полное осознание совсем, судя по всему, недавно.

– Родимый! – вскричал Соискатель. – Пятерик заработать хочешь?

В глаза мужичка вернулась утраченная было вера в высшую справедливость:

– А что делать надо?

– Считай, что ничего! Я в очереди за мясом стою, так ты время от времени ко мне подходи поговорить.

– О чем?

– О бабах! О футболе-хоккее! Об успехах нашей Родины в борьбе за мир!

– Чирик! И деньги вперед.

И пять-то рублей за столь пустячную работу было красной ценой, однако «родимый», поняв, что на Бога надеялся не зря, оказался тверд в решении и самому не площадь – так что Соискатель отдал ему десятку.

Что ж, здоровое нутро советского человека побудило того не пуститься в бегство, а начать несправедную добычу обрабатывать, то есть, появиться минут через пятнадцать в гастрономе и спросить бодро:

– Стоишь, Васька?!

Ошарашенный неприятно кошачьим именем, Соискатель ответить не успел – посчитав имплементацию заключенного договора завершенной, мужичок направился к прилавку, за которым высилась продавщица гренадерского роста. И воззвал к ней громко, и много нежности прозвучало в его надтреснутом тенорке:

– Зая! Зря ты так! У меня после вчерашнего кое-что все-таки осталось!

Соискателю бы подосадовать, что отданный им червонец расценен как всего лишь «кое-что», однако в окружающем пространстве не осталось места для досады – звучащая в голосе «родимого» нежность затопила мясной отдел, а также соседние бакалейный, кондитерский и молочный! Она придала новую свежесть скисающему молоку и размягчила черствеющие сыры; она сделала конфеты слаще, а муку белее, однако же вино-водочный отдел, вместилище соблазна, этот протуберанец чистой любви огибал брезгливо!

– Зая! Придумал я картошечку жареную к твоему приходу сварганить! Духовитую, как тебе нравится, с укропчиком, петрушечкой, кинзой – уже сбегал в овощной напротив, проверил, зелени всякой там полно! Чистенькая она и привяла совсем чуток. Зато картошечка – ух, крепенькая, ух, ладненькая! Я маслом ее буду поливать

очень часто, но понемногу; я по высшему разряду ее сготовлю, со всем моим к тебе чувством... Как ты, Зая, на это взглядываешь?

Когда-то давно, еще во времена бакинской юности Соискателя, подруга его старшей сестры, заметив, что абстрактное восхищение женщинами сменилось у него вполне конкретной тягой к их прелестям, решила прочитать ему лекцию о ловушках, поджидающих молодого самца на нелегком пути становления.

– Если, – наставляла она, в частности, – женщина подмигивает смыканием век одного глаза, то она – трусливый браконьер! Потому что истинная охотница взглянет на тебя обоими глазами, но одним чуть пристальнее, чем другим. Это и есть классическое подмигивание в стиле великих распутниц восемнадцатого века, это и есть настоящий, недвусмысленный призыв!

Продемонстрировала, получилось! Настолько убедительно получилось, что уже тогда склонный к обобщениям Соискатель попытался распространить полученное знание на иные приметы недвусмысленного призыва: например, как какая-нибудь великая распутница восемнадцатого века кивала?

И придумал, как: на один и очень краткий миг мышцы ее шеи становились чуть более расслабленными, нежели мышцы плеч и спины...

Чушь, скажете вы?! – но не спешите с приговором, ибо в ответ на нежные трели мужичка и озвученные им перспективы продавщица «кивнула» именно так.

Соискатель увидел это во второй раз в жизни – и тут же припомнил первый.

II. Толчок и взлет

Всегда Светка.

Никогда Светлана или Света.

А уж Светочка или там Светик – боже упаси!

Может, называя её так грубовато-панибратски, будущий Соискатель пытался обнулить психологически неприятную ему разницу в росте? У него – 176 минус сутулость, у неё – 181 плюс какие-никакие каблуки, вот и получался почти дециметр ее бросающегося в глаза преимущества. Да еще, как назло, пряма и вытянута она была, как поставленная «на поpá» линейка. Сравнение не случайное, ибо носимые ею свободные блузки и плиссированные юбки-миди отменяли любые допущения о существовании у нее груди, бедер и попы.

Она сразу выяснила у девчонок из группы, что именно будущий Соискатель, – стоит лишь лектору задать вопрос аудитории, – высказывает первым и всегда отвечает верно, а выяснив и нечасто потом появляясь на занятиях, уверенно садилась рядом с ним. Или заявляла уже имевшимся соседу-соседке: «Я здесь сяду!»

И никто с нею не пререкался, еще бы! – мастер спорта по легкой атлетике, входящая в первую тройку советских легкоатлеток-прыгуний в высоту!

Еще бы! – ведь в ней так чувствовалась постоянная нацеленность на толчок и взлет, немного странная для мехматовского народа, но и притягательная для него.

Ни с кем не разговаривала, только иногда, вернувшись с очередных сборов или соревнований и привычно усаживаясь рядом с будущим Соискателем, говорила не ему, а скорее, в пространство: «Еще прибавила. До Иоланды Балаш осталось...».

И в несколько месяцев такого их общения «до Иоланды Балаш», мировой рекордсменки, долгие годы побеждавшей как на стадионах, так и в крытых манежах, оставалось все меньше...

Итак, садилась рядом с ним, всегда без ручки и тетради. Сидела прямо, можно даже сказать, высилась горделиво. Слушала лектора внимательно, хотя, очевидно, ничего не понимала – и пора ответить на естественный вопрос: «А как, собственно, она очутилась именно на механико-математическом факультете Азербайджанского

университета?» И вот ответ: «В силу обаятельного южного раздолбайства!» Просто в один прекрасный день чемпионов и чемпионку республики по легкой атлетике, пожелавших получить не традиционный диплом Института физкультуры, а нечто более престижное, всех гуртом отправили в университет, где и распахали по факультетам самым случайным образом. Не затрагивая, впрочем, две тогдашние святыни: исторический и юридический, которые Центральный Комитет республиканской Компартии бдительно контролировал.

И Светлану Лавренюк зачислили на мехмат, причем сразу на второй курс, однако в ее зачетке быстро появились четверки по всем экзаменам двух сессий первого курса. А потом и зимней сессии второго, в течение которой она, разумеется, не появилась, поскольку снисходила до посещений лишь тогда, когда могла «преподнести себя» в подобающем ее званию и титулу виде. А тогда зачем приходиться на экзамены, где ничем подобающим блеснуть заведомо не могла? – и вместо нее появлялась зачетка, которую вносил в аудиторию заведующий общеуниверситетской кафедрой физкультуры, знаменитый в прошлом футболист всенародно боготворимого «Нефтчи». И в ответ на вопрос экзаменатора: «Пятерка?» шутил привычно:

– Нет, муэллим, пятерка будет, когда не третьей в Советском Союзе станет, а первой.

И верил, что максимум через год станет.

А следом за ним верил и весь мехмат.

«Почему все же, – часто потом думал Соискатель, – Светка согласилась числиться именно у нас? Чай, не сержантом же в легендарный Семеновский полк её записали!»

И только одна была у него версия: «от балды» послали её на мехмат, «от балды» же она и пошла. Да и боялась, наверное, показаться смешной, выбирая между одинаково загадочными для нее профессиями, смутно ею различаемыми «Terra incognita». Потому же, тоже из гордости, садилась рядом исключительно с ним: чемпионка аж всей Азербайджанской Республики могла иметь своим соседом если уж не чемпиона, то хоть какое-то его подобие – пусть даже очень локальное.

Так сказать, «чемпиончика» популяционного ареала размером в две студенческие группы.

Гробовая тишина повисла однажды в аудитории – профессор, читавший дифференциальную геометрию и начала топологии, задал особенно заковыристый вопрос. Даже наш герой две-три секунды промедлил, прежде чем поднять руку. И отвечать начал не так уверенно, как обычно, хотя вскоре, поняв по одобрительным кивкам лектора, что на верном пути, приободрился. А когда сел, поймал на себе Светкин взгляд. Не восхищенный, нет. Скорее, полный искреннего недоумения по поводу того, что именно этот задохлик... скорее даже, «именно это полудохлое», с трудом прыгающее разве что на метр двадцать, знает так много дурацких, но волшебным образом верных слов.

Однако печаль печалью, но когда прозвенел звонок, сказала, будто бы намекая на существование тайной двери, отворив которую и продвигаясь потом бесшумно, можно попасть в спальню красавицы грандессы:

– Слышь, приходи сегодня в пять в легкоатлетический манеж. Скажу, чтобы тебя пропустили. Буду в первый раз метр семьдесят пять брать, а это для закрытых помещений ого-го как много.

Сектор для прыжков в высоту, в котором трудилась Светка, был небольшим ярким пятном под двумя мощными лампами, а все остальное тонуло даже не в полумраке, но в очень неприятном «полусвете» – веселый весенний день с большим тру-

дом пробивался через расположенные под самым потолком широкие и узкие окна. Соискатель же, в тогдашнем своем мышасто-сером демисезонном пальто, вряд ли был Светкой вообще замечен... да даже если и был, то отвлекаться на него она не стала: никогда до, да и редко после этого дня видел он человека, настолько сосредоточенного на своей работе!

Она разбегалась, прыгала, выслушивала не слышные Соискателю замечания тренера, согласно кивала, потом опять разбегалась...

Позволяла себе лишь редкие паузы, в течение которых тренер разминал ей икры, бедра и попу, скрытые под ярко-красными рейтузами из толстой и, наверное, грубой шерсти; да и до пояса была в свитерке, вроде бы белом, однако же то там, то сям серели на нем пятна пота...

Отвлечемся на минуту и вспомним это потрясение: прыгун Дик Фосбери разбегается, взлетает и перелетает планку спиной над нею и почти ей перпендикулярно!

Это Олимпийские игры в Мехико, 1968 год, высота два двадцать четыре. Так миру впервые был явлен новый стиль, однако прежний, «перекидной», когда голова, грудь и живот проходят параллельно планке, удерживался еще долго, до 1977 года, – тогда Владимир Яценко установил с его помощью мировой рекорд: два тридцать четыре. Однако всего через два года «фосбери-флоп» воцарился окончательно: прыгая именно так, Яцек Вшولا в 1980-м осилил два тридцать пять, и после этого «перекидники» сдались.

А в 1964-м, ничего, разумеется, не зная о том, что прыгать можно, не «зависая» всем телом над планкой, Соискатель представлял себе, как обидно и больно бывает прыгуньям, когда высота уже почти взята – и тут ненавистная врагиня их, дюралева трубка, вдруг падает, задетая пусть немного, но хоть сколько-то выступающим соском. И думал, насколько чаще это случалось бы, будь у его Прыгуньи (уловив намек на потайную дверь и заветную спальню, он уже мысленно называл Светку своей Прыгуньей) грудь повыше! И твердо решил, что коль скоро «Париж стоит мессы», то осуществление мечты «перепрыгать» саму Иоланду Балаш стоит почти детской малости грюдок.

Но вот тренер растеребил Светкины мышцы особенно яростно, она совершила несколько размашистых махов и глубоких наклонов, быстро сняла свитер и рейтузы, еще быстрее надела поверх плавок трусы – короткие и тесные, дабы не развевались во время прыжка; а поверх окончательно расплывшего грудь лифчика – обтягивающую майку.

Убедилась, что планка приподнята на новую высоту, вышла в точку, откуда начинала разбег, – и стало ясно: вот они, сто семьдесят пять сантиметров...

Но Соискатель не думал о незаметной глазу разнице между ними и предыдущими ста семьюдесятью с чем-то!

Не до того ему было – он любовался Светкиными дивными ногами, впервые увиденными во всей их длине и красе. Думаете, высокий подъем ее стоп породил в нем восторги балетомана? – вот и мимо! Классический балет он почитал скукою, делая исключение разве что для «Щелкунчика», где гений Чайковского так счастливо погрузился в «не от мира сего» гофмановские фантазии – но особенно его раздражали противные природе перемещения на пуантах, вследствие которых икры балерин напряжены, как кулаки грузчиков, требующих доплату за сверхурочную работу.

Нет, Светкины ноги были другими – скульптурными, как у граций Кановы или танцующей девушки Торвальдсена, вот только не беломраморными, а покрасневшими от прикосновений грубой шерсти, особенно наждачных во время коротких сеансов массажа. Впрочем, не Канова и Торвальдсен вертелись тогда у него в голове, а совсем другое... скажем прямо, несколько причудливое.

Паровозы вытеснены из железнодорожных перевозок, что закономерно (коэффициент полезного действия парового двигателя ничтожен в сравнении с КПД дизеля, тем паче электродвигателя), но достойно сожаления, ибо исчезла возможность любоваться работой вынесенного наружу КШМ, кривошипно-шатунного механизма, превращающего поступательный ход поршня во вращение ведущих колес.

Так считал будущий Соискатель – и пока Светка, примериваясь к первому шагу, переминалась с ноги на ногу, он был заморожен тем, насколько эти движения изумительно соразмерных ее ног похожи на неохотное подчинение сцепного и тягового дышла, контркривошипа и маятника – штоку поршня, выводящему их из состояния покоя!

Экое кощунство, скажете вы: сравнивать идеальные женские ноги, которые удобно целовать и гладить, – с дышлами, маятником и контркривошипом! Но уверяю вас, Соискатель знал то, что знают далеко не все: «Бедро и голень человека... тоже представляют собой кривошипно-шатунный механизм с неполным оборотом».

Так ныне говорит Википедия, а когда-то так говорили книги, в которых о научных и инженерных чудесах рассказывалось интересно и понятно.

Но вот свершён самый первый, слегка подпрыгивающий шаг.

Вот легко набран ход.

Вот ноги, эти волшебные КШМ, подбросили Прыгунью – и она пронеслась по верх планки, не коснувшись!

А все прочие мышцы сгруппировались в нужный момент так, что земное приращение, поначалу оторопевшее от дерзости этого взлета, не шмякнуло тело Светки в тугие маты, а опустило его в них почти ласково.

Завопил что было мочи: «Св-е-е-тк-а-а!!!»

Эх, заорать бы так во время следующей Олимпиады, на трибуне гигантского стадиона в Мехико – однако где он, наш будущий Соискатель, где родной его Баку, а где Мексика? Но однако же орал, надрывая связки – и был уверен, что Прыгунья этот вопль запомнит! Что он прозвучит в ее ушах спустя четыре года именно в Мехико, где она «перепрыгает» Иоланду Балаш, и та тихо заплачет где-нибудь в стонке, прощаясь со своими взлетами.

Легко вскочив на ноги, Прыгунья посмотрела в его сторону и кивнула именно так, как он когда-то нафантазировал.

Так, что бездвижной осталась ее голова, но шея позволила себе на очень краткий миг расслабиться чуть сильнее, нежели плечи и спина.

III. Приземление

Появилась она, чуть прихрамывая, недели через полторы, на практическом занятии по аналитической механике.

Впервые не с пустыми руками, а с общей тетрадью и дорогой шариковой ручкой производства легендарной чешской фабрики «Кохинор».

Пояснила, теперь уже конкретному соседу, а не всеобщему пространству:

– Ахилл чуток потянула. Неделю тренироваться нельзя, похоже на занятия от нечего делать.

Но будущему Соискателю в этом «от нечего делать» захотелось услышать (а может, ей захотелось намекнуть), что заветная тайная дверь стала теперь для него еще чуть менее тайной.

– Ты красиво прыгнула. Поздравляю.

– А ты здорово болел. Мне даже тренер, Геннадий Геннадьич, сказал: «Горласт вопёжник! Его на соревнования с собой возить – так трибуны заведет, что мигом Иоланду Балаш одолеешь».

А сказав это, раскрыла принесенную и ничем до того не осквернённую тетрадь, решительным щелчком вывела наружу металлический кончик стержня и приготовилась записать что-нибудь. Под заинтересованным надзором своего новообретенного вопёжника, разумеется.

Но преподаватель вызвал того к доске.

Это был особый преподаватель. Говорили, что в конце тридцатых он, простой азербайджанский паренек, сумел поступить в труднодоступный Ленинградский военно-механический институт (начинавшийся когда-то как Ремесленное училище Цесаревича Николая), воевал, был ранен, а потом долго работал в каком-то «суперномерном» НИИ, где дорос до должности руководителя теоретико-расчетного отдела. Но вдруг с легкими случилось что-то такое, что вынудило его вернуться в теплый климат родины, хотя память благодарно хранила морозы Ленинграда, Северодвинска и Североморска. Все это походило на правду, ибо от других преподавателей он отличался той сухостью манер, что присуща людям, придавленным грифами строгой секретности. Предмет свой этот тихий доцент не просто знал блестяще, но словно бы чувствовал его всеми потрохами – потому и задачи на проводимых им занятиях разбирались весьма нетривиальные, причем сначала у доски трудился кто-то из тех немногих, кто не цепенел от звучных терминов «лагранжиан», «гамильтониан», «принцип Д'Аламбера»... а затем, когда до получения ответа оставалось сделать несколько простеньких «экзерсисов», выходил любой или любая, имевшие по матанализу хотя бы хилую четверку. И надо же такому случиться: в тот важный день преодолевать первый этап первой задачи пришлось будущему Соискателю. С помощью Азиза Садыковича (единственного на факультете азербайджанца, кого называли в русской манере, по имени-отчеству, а не в азербайджанской – Азиз-муэллим) схему воздействующих на многоэлементную систему сил и моментов наш герой вычертил, лагранжиан составил. Дальше справлялся без подсказок, получившееся дифференциальное уравнение свел к необходимости взять азбучный интеграл и завершил бы труды праведные через минуту, но тут раздалось:

– Спасибо, садитесь. Ответ выпишет ваша соседка, которую я вижу сегодня в первый раз. Назовитесь, пожалуйста, девушка!

– Лавренюк. Светлана. – последовал полный вселенской муки ответ.

– Рад познакомиться. Пройдите к доске.

Будущий Соискатель мог, конечно, сделать вид, что увлекся и махом взять интеграл – но вдруг Азиз Садыкович, дождавшись, пока Светка добредет до доски, поручил бы ей начать решать следующую задачу, и ситуация стала бы, как принято сейчас говорить, неуправляемой! Поэтому наш герой уронил мел, закопошился, его разыскивая, и успел прошипеть несгибаемо прямой «линейке» откуда-то из района ее, пардон, паха:

– Смотри на меня, пиши и молчи!

Необходимо пояснение: несчастной Прыгунье предстояло изобразить взятие несобственного интеграла от нуля до бесконечности от экспоненты в степени минус t , а герою нашему предстояло – что? Дирижировать? Ах, если бы – ведь дирижер сигналит скрипкам о вступлении, а не о том, какую струну каким пальцем зажать и куда, вверх или вниз, устремить смычок. А чертить в воздухе символы так, чтобы Прыгунья воспроизводила их на доске?! – к какому жанру это относится? К пантомиме? К театру кабуки? К пассам жрецов или священников, вызывающих солнечное затмение или схождение Благодатного огня?

Но для искусствоведческих размышлений времени не было, настала пора действовать – и мигом вернувшийся за парту будущий Соискатель изобразил знак «равняется». Светка закивала с готовностью, выписала на доске, а затем, кроша мел, обвела еще несколько раз – точно переминалась перед разбегом.

Он начертил в воздухе «минус».

Это ей понравилось меньше, она, наверное, ожидала какого-то конкретного и простого ответа, который позволил бы ей выглядеть достойно – и самое удивительное, что чисто женской своей интуицией «просекла» правильно: чудовищно сложному для нее агрегату предстояло превратиться, в конце концов, в самую что ни на есть банальную единицу. Однако же, спроси Азиз Садыкович (а он, холодный питерский теоретик, наверняка потребовал бы расставить точки над *i*): «А как вы, Лавренюк, получили этот элегантный ответ?», ей пришлось бы что-нибудь сказать – и тут спасательные круги-жесты Соискателя вынужденно свелись бы к перечеркивающему надежды знаку «X».

Однако, поколебавшись немного, с осторожностью слепца, следующего за новой для него собакой-поводырем, Светка минус на доске все же нарисовала.

Далее будущий Соискатель со всей возможной старательностью «начертил» е в степени минус *t*.

Уже подозревая, что вместо специально обученной колли ей подсунили бестолковую дворнягу, она экспоненту все же записала и даже второй минус изобразила правильно – в показателе степени.

Ура! – и будущий Соискатель начертил в воздухе вертикальную палку со значками «ноль» и «бесконечность» внизу и, соответственно, вверх .

Прыгунья и это осилила, демонстрируя, впрочем, мучительные сомнения по поводу того, что примитивно прямой посох со значками 0 и ∞ в обоих своих концах правомерно заменил собою «лебединую шею» интеграла с этими же значками...

Но когда «поводырь» вновь начертил в воздухе «равняется», взбунтовалась – и ткнула пальцем в обозначение «*dt*» под знаком интеграла. После чего изобразила огромный знак вопроса-восклицания, словно бы спрашивая гневно: «А это уродство ты куда дел?!»

Ой, как это было некстати! – и будущий Соискатель, потеряв бдительность, не обращая внимания на то, что Азиз Садыкович смотрит уже не на доску, а на него, замахал, словно сигнальщик на адмиральском мостике, передающий обезумевшей эскадре: «Опомнитесь, идиоты, делайте, что вам говорят!!!»

Но у Прыгуньи, окончательно переставшей ему доверять, состояние бессмысленного и беспощадного бунта внезапно сменилось, как это часто бывает, тихой тоской, и опомниться она уже не могла, а лишь озиралась затравленно, словно искала точку, откуда можно было бы начать спасительный разбег...

О, он бы, в отличие от задохлика-поводыря, ее бы не подвел!

И «родная» толчковая нога не подвела бы, и перегруженное предыдущими прыжками «родное» ахиллово сухожилие только ойкнуло бы, уколов острой болью, но тут же простило очередное над собою насилие. А за преодоленной планкой открылся бы такой свой, такой приветливый мир... но вот ведь в чем ужас – планки не стало!

Она, эта цельная и преодолимая планка, будто бы распалась на непреодолимые минусы и черточки равенства, и жизнь Прыгуньи будто бы распалась следом...

А будущий Соискатель все жестикулировал и гримасничал, – пока не услышал, что происходящее комментирует Азиз Садыкович.

Почему-то по-азербайджански и почему-то очень по-отечески:

– Yazıq oqlan, necə də əzab çəkir!

Но, обратившись к Светке, опять превратился в сухого петербуржца:

– Лавренюк, не сомневаюсь, что вы отлично прыгаете, однако не понимаю, что вам делать на мехмате. Подумайте над этим, Лавренюк, над этим надо думать!

... Прыгунья привычно опустилась на скамью парты рядом с будущим Соискателем, однако совместное её с ним проживание поражения длилось недолго: вновь раскрыла все ту же новенькую тетрадь, еще раз выдвинула все тот же стержень,

⁴ Бедный парень, как же он мучается!

украсила первую страницу саженом выписанным призывом «НАДО ДУМАТЬ!!!», после чего вышла стремительно.

На все четыре экзамена летней сессии ее зачетку все так же заносил завкафедрой физкультуры, а профессора и доценты, включая, кстати, Азиза Садыковича, все так же выставляли ей «хорошо».

А после сессии, зайдя зачем-то в университет, будущий Соискатель увидел ее выходящей из отдела кадров.

– Привет от старых штиблет! – этак снисходительно. – Что же ты: вопишь хорошо, а подсказываешь фигово? Ладно, – простила великодушно, – больше не увидимся, уезжаю. Меня Олимпийский комитет в МГУ перевел, нас троих, кто в зале к метру семьдесят пять-шесть подобрался, в кучку собирают, чтобы натаскать как следует, и в Дортмунде, на Европейских легкоатлетических играх в помещении, Иоланду Балаш сделать. Думаю, на меня страна в первую очередь рассчитывает, так что без твоих воплей обойдусь. Только Геннадия Геннадьевича жалко, он аж запил с горя...

– Я горевать не буду, тем более не запью! – ответил будущий Соискатель, блюдя достоинство. – Не знаю, как насчет Иоланды Балаш, но учти: Москва – город безжалостный, а мехмат МГУ – это очень-очень трудно!

– Да уж, учла! – усмехнулась она. – На экономический меня зачисляют, сказали, там намного легче. Ладно, вопёжник, счастливо! Оставайся со своими лагранжианами, будь отличником, а потом профессором!

И пошла, не оглядываясь.

Да он и не глядел ей вслед – ведь ноги ее гениальные все равно были бы не видны... что за идиотская, кстати, манера носить исключительно миди!

И не предвидел тогда, что, словно бы искупая то «несмотрение», не раз потом будет привставать на цыпочки, чтоб пусть хоть взглядом, пусть хотя бы еще на миг удержать уходящих от него.

IV. Пьедесталы

Пока припомнил во всех подробностях, перед ним осталось семеро. И он уже видел продавщицу хорошо, но все никак не мог решить: она – не она. Рост, маленькая грудь и живот без складок, – так, по крайней мере, виделось под обтягивающим халатом – да, её. Непринужденно держит спину, причем это не выправка, как у военных, а осанка, как у балерин, – однако движения раздающих рук ее не имеют ничего общего с чем-то плавным и «ах, изящным», культивируемым в балете; они, руки ее, снуют, но не мечутся, стремительны, но не суетливы... так все же Прыгунья?

А лицо?! – и с грустью осознал, что лицо вытеснено из памяти ее ногами – гениальными, но, как оказалось, не вознесшими, потому что на Европейских легкоатлетических играх 1966 года, в крытом манеже Дортмунда, победила все та же Иоланда Балаш. И взяла она тогда всего-то на один жалкий сантиметр больше того, что легко, с большим запасом, преодолела два года назад Светка.

И уж совсем издевательством было то, что югославка и немка, занявшие второе и третье места, «перекинулись» через планку на позорно малых ста семидесяти трех и ста шестидесяти пяти.

Так что же тогда с его Прыгуньей случилось? Соперницы затерли? Ахилл подвел? И что эту вот Светку-не Светку, находящуюся сейчас от него в пяти метрах, смахнуло с пьедестала, на который все ее мысленно возводили?

Что низвело до прилавка?

... Ах, как же споро она работала! Даже проворная Лиля не угналась бы, а уж вечно полусонной Кате и просыпаться бы не стоило... но как хорошо, что из гастронома он выйдет раньше расчетного времени! А с чем выйдет: со скудными тремя килограммами в накачанных руках или с по-настоящему весомым грузом?

Тут, словно бы для того, чтобы ответить, опять возник «родимый» – с паке-тами, домовитый, прощенный, уверенный в себе и в ненарушимых границах своего места под солнцем:

– Зая! Я еще остренького томатного соуса подкупил. Вместо аджики, зачем нам аджикой этой огненной желудки обжигать!

И Соискатель почти возненавидел его за то, что, обращаясь к жене, тот даже и не намекает на данное ей при рождении имя... или «Зая» – это исковерканное «Зоя», а не ласкательное усекновение «Зайки»?

Хотя как же ему не захотелось, чтобы умеющая так кивать женщина была какой-то там Зоей! Впрочем, тут же понял, что, окажись она Прыгуньей, его это тоже не сильно обрадует.

Почему? – о, он непременно разберется, прежде чем взглянет ей в глаза...только бы «родимый» поскорее сгинул, не забыв, впрочем, еще раз уведомить общественность, что Соискатель стоит в очереди и за него тоже.

А тот словно бы внял:

– Васька, я за своей долей завтра заеду, заберу! Мы, Зая, с ним служили вме-сте, и он, такой застенчивый, гордостью части был! Ты его не обидь, а после работы смотри мне, не задерживайся, не то картошечка истомится, и я вместе с ней!

И исчез, не мешая Соискателю разбираться, и подходящая ассоциация сразу же пришла тому в голову – хорошо читаемая ассоциация, однако тем, кому фотографи-рование представляется мгновенным появлением «в цифре» задуманной «фотки», придется пояснить. Дело в том, что не так уж и много раньше производство фото-графически точных изображений лиц, тел, улыбок, слез, объятий, ударов, пейзажей и сооружений было процессом многоэтапным и химически затейливым. Завершение оно-го – превращение первоначального негатива в окончательный позитив – звалось печатанием и происходило в залитом красным светом помещении, куда лучикам иного цвета вход был запрещен. А подлинное чудо являлось миру и взору в тот краткий, колдовской миг, когда на фотобумаге, погруженной в ванночку со сложносоставной жидкостью, вдруг и словно ниоткуда появлялись самые первые очертания, всегда смутные и потому сулящие что-то такое, что на века.

И неважно, что уже в следующую секунду становилось ясно: нет, не на века, в лучшем случае, на пустую страницу фотоальбома «Я в детском саду/школе/инсти-туте/стройотряде/на работе» или «Моя семья», или «Мои путешествия».

Но это не страшно, не депрессивно, не безнадежно – то, что не шедевр, а про-сто для заполнения пустых страниц фотоальбомов! Это отражение нормальной жизни, это сама нормальная жизнь, как преодоление планки-прочерка между двумя главными датами – и пусть судьба отпустит всем нам на него сто, а лучше сто два-дцать лет! Только бы уметь вычленять из предназначенного, – из этих ста, а лучше ста двадцати лет, – те несколько часов, что сложатся из секундных предвкушений, сладких и тревожных. Тем слаще и тревожнее, чем яснее понимаешь: шансов на ше-девры все меньше, а на просто хорошие «фотки», просто хорошие теоремы и просто любовь, как любовь, – все больше.

Но счастлив тот, кто умеет беречь в памяти эти драгоценные предвкушения отдельно, не смешивая их с предназначенными обычным.

Вот и Соискатель не хотел в тот насупленный мартовский день 1985 года сме-шивать гениальные Светкины ноги, ее прыжок и свой вопль – с добыванием мяса на борщ, мяса на котлеты, сосисок, сарделек и сырокопченой колбасы.

Для этого – обычного и предназначенного – вполне подходили всегда полу-сонная Катя и неизменно проворная Лиля.

Мясо в провинциальной России, в которой Соискатель жил и работал после окончания университета в Азербайджане, исчезло почему-то именно весной 1970 года, и шумно-страстные партийно-комсомольские камлания по поводу столетнего

юбилея Ленина стали смахивать тогда на молебны о ниспослании белковой милости. Было даже так, что в уже по-настоящему теплый денек в мясном отделе одного из кооперативных магазинов, над пустыми витринами и чисто вымытым прилавком ател призыв: «Столетию Ленина – достойную встречу!», а из церкви, расположенной близ этого коопторга, доносилось ладное пение хора... и чудилось, что стоит лишь потерпеть, дожидаться 22 апреля – и либо Бог похлопочет, либо опорожнятся наконец огромные холодильники, специально наполняемые к заветной дате.

Но наступило 22-е, потом 23-е... 24-го сняли со стены призыв, но витрины остались пустыми, а прилавок – чисто вымытым.

Дальше, год от года, было все хуже. Когда становилось невмозможу, шли на колхозный рынок, униженно выпрашивали у уверенных «в своем праве» дядек и теток не колхозного, а вполне себе лабазного вида, чтобы немного в цене уступили – те милостиво уступали, но меньше, чем немного.

На заводах, стройках и иных полезных Родине предприятиях появились ежеквартальные, а также к кумачовым праздникам мясные заказы, особенно весомые для начальства и передовиков производства – и потому получилось, будто отсутствием мяса кто-то наказал рядовых вузовских преподавателей и работников НИИ. Даже вечные российско-советские страдальцы, учителя и врачи, не были посажены на столь же строгое вегетарианство – ведь в каждом классе находились родители, а в любой группе пациентов случались хроники, способные помочь «достать». Полномержные же лишения настигли «товарищей ученых, доцентов с кандидатами», как в своей известной песне поименовал их Высоцкий.

И проблема, к ленинскому юбилею просто означенная, составила потом наглядную приметку обыденности или, если угодно, предназначенности.

Стало быть, потребовала решения.

Соискатель нашел его на пути установления крепких горизонтальных связей при явно хреновой эрекции связей вертикальных: то есть свел знакомство с одним из вечно алчущих грузчиков того коопторга, не «околоцерковного», расположенного на первом этаже дома, где жила теща.

Она-то и осуществляла важнейшую часть вкусной, полезной, но преступной деятельности: принимала от грузчика некое количество проплывающего мимо кассы коопторга товара и расплачивалась за него некими деньгами в рамках разумно спланированного женой Соискателя бюджета.

Однако благодостный период равновесия спроса и предложения длился не более двух лет, после которых грузчик просветил тещу, что примитивная политэкономическая связь «товар-деньги» для подлинно русских рыночных отношений не годится. А нужна расширенная: «товар-(деньги плюс стакан)». Рассудив, что это удорожание все ж таки не так губительно для бюджета, как походы на рынок, где мясо становилось все жирнее и костистее, а торгующие все омерзительнее, жена Соискателя сдалась – и отныне ее мать «со всем своим уважением» подносила грузчику не только деньги. Но дальше – больше: через год формула еще более усложнилась, превратившись в «товар-(деньги плюс стакан плюс задушевный разговор)». И пришлось теще Соискателя примерно раз в три недели в течение примерно пяти лет терпеть одно и то же наставительное повествование о том, насколько он, посланный им небом грузчик, выпивающий, но знающий меру, чище и нравственней своих коллег – пьющих и меру в том не знающих...

А спустя эти (все еще) благополучные годы произошло то, что даже самый оптимистичный аналитик назвал бы не «черным лебедем», а «белым птеродактилем»: один из случайных гостей преподнес Соискателю бутылку болгарской мастики. Попробовав эту смесь тошнотной микстуры от кашля с самогоном дурной очистки, Соискатель хотел было подарок выбросить, да жена остановила: «А может, для нашего грузчика сгодится?»

И – о, роковая случайность! – не просто сгодилось, но и понравилось настолько, что гурман-кровопивец стал требовать от тещи Соискателя именно «мягонькую». Объясняя, что за то мясо, те колбасы и ту (иногда) буженину, которые он таскает, водку или даже коньяк, или даже портвейн «Агдам» ему нальют в любой квартире любого окрестного дома. Короче: деньги – мнимость, «мягонькая» – реальность!

Мастику везли отдохавшие на Золотых Песках внявшие униженным мольбам друзья; мастику везли из московского фирменного магазина «София» – и все это длилось, пока не пришла спасительная идея: можно же доставать в столице итоговое мясо, как делают многие, а не промежуточную мастику, чего не делает решительно никто! Для вящей же точности добавим: эта идея материализовалась еще и потому, что Соискатель, став при МГУ официальным соискателем, в столицу зачастил.

И выстроил горизонтальные связи заново, и первой появилась полусонная Катя. Следом Лиля, улыбочивая, проворно его обвешивающая, без жеманства принимающая от него щедрые наградные и с ужимочками ему же сообщающая, что фигуристые и обходительные мужчины нравятся ей с самого девичества.

А натерпевшаяся теща послала наконец опешившего от удивления грузчика по неожиданному для ее лексикона адресу.

V. После пьедесталов и вместо них

Конечно, она – Соискатель понял это, как только оказался визави с нею.

Только уже не Прыгунья – ничего в ней не осталось от той заряженности на толчок и взлет, которая делала Светку одновременно и гордостью мехмата, и чужеродной для него. И такая раздирающая внутренности тоска охватила Соискателя: как же так, опять он не увидит эти дивные ноги! – что промолчал и не сказал, какое количество какого продукта хотел бы приобрести. Впрочем, это и не понадобилось – Прыгунья отбирала куски мяса и все прочее так уверенно, словно успела переговорить с женой Соискателя и поэтому знала точно, что предпочитает ее мать, что свекровь, а что должно остаться на прокорм двух славных едоков, мужа и сына.

Только спросила негромко:

– Пакеты есть?

С уже не привычной для себя суетливостью Соискатель достал из портфеля два полиэтиленовых пакета, так много раз сложенных, что Прыгунье, разворачивая, пришлось их сильно встряхивать, и они вынужденно явили очереди свою непризентабельную, хоть и чистенькую старость. Соискатель захотел было оправдаться, объяснить, что в провинции и пакеты дефицит... вы ж даже себе не представляете, что эти ваши кремлевские мудаки с провинцией творят! – однако и это оказалось бы лишним: Прыгунья уже заворачивала замороженные куски мяса в несколько слоев лиловой оберточной бумаги и клала их поверх сосисок, сарделек и колбасы так, чтобы не протекла ни одна капля сукровицы коров, свиней, быков и хряков.

И пояснила:

– Если денег не хватит, скажешь в кассе, чтоб на меня записали.

И тут же, не удержавшись:

– Ну, привет, вопёжник! Каким крепышом стал! Профессор?

– Года через три-четыре стану. А пока доцент, – прошептал он, и не известно, услышала ли она.

Но еще менее известно, надобно ли было ей это услышать, если все равно давно решила, что тот смешной вопёжник уже профессор, только, наверное, еще большим задохликом от трудов своих праведных стал...

И дальше молчала.

А он шептал первое, что на ум приходило – так быстро шептал и с таким напором, словно лихорадочно избавлялся от чего-то издавна копившегося.

Но тоска не скукоживалась, не уходила с шепотом, а напротив, ширилась и лютела.

Шептал о том, что, став соискателем при МГУ, пытался выяснить на экономфаке, была ли там такая студентка, Светлана Лавренюк, знаменитая прыгунья, переведшаяся с мехмата одного из южных университетов. И выяснил, что о знаменитости такой никто слыхом не слыхивал, а Лавренюк какая-то вроде была. Недолго: покрутилась годика два – и сгнула.

Что он же ее предупреждал: Москва – город безжалостный, хорошо еще, что из университета сгнула, а не вообще с поверхности жизни на дно ее.

Чтобы не переживала сильно: если исходить из того, как страна устроена, то она, Прыгунья, почти на пьедестале – при мясе. Наверное, и дети имеются, и квартира есть – опять же, какой-никакой, а пьедестал. А что «родимый» иногда зашибает, так... Зато Заей зовет, многие женщины, наверное, мечтают, чтобы их Заями кто-то звал... надо у жены спросить, может, и она тоже мечтает? Только зря, если тоже – у него язык не повернется, математик так сюсюкать не может по определению.

Что и он прыгает.

Будто бы в манеже прыгает.

В каком манеже? – наверное, Господа Бога. Он же Вседержитель, стало быть, и манеж, в котором некоторые люди взлетать-прыгать пытаются, тоже Его. А потому каждая теорема, над которой он, Соискатель, бьется – это как планка, еще чуть приподнятая. Пока одолевать эти планки удается, но прыжки все более судорожные – и мучает предчувствие, что скоро он выйдет на предел... *«как ты, моя Прыгунья, вышла когда-то на свои сто семьдесят пять, а дальше ни на микрон выше, хоть тресни! Ведь ахиллово сухожилие, которое ты повредила, когда сотворила шедевр высотой в сто семьдесят пять, не могло тебе помешать взять сто семьдесят шесть, семь, восемь? Ведь в манеже Господа Бога так не бывает, чтобы человек надорвался, творя шедевр?! Или именно так и бывает?! – хорошо бы понять, как именно бывает... Но как же ты тогда взлетела, Прыгунья моя! – и ноги твои в тот миг были скульптурными, а не кривошипно-шатунными, как мне по молодости моей показалось... Ты, кстати, меня крепышом назвала, так знаешь, я вот уже десять лет качаюсь. Потому и мяса стал жрать больше, ведь для роста мышц животные белки нужны... Сто сорок лежа жму, а сто сорок пять никогда не выжму, я это чувствую... И теоремы скоро будут получаться все менее высокими – тоже чувствую. Проходит мое время в манеже Господа Бога, скоро свое отпрыгаю и сольюсь со всем прочим народом, как ты уже давно слилась. Только не при мясе окажусь, на каком-никаком, но пьедестале, а всего лишь зауряд-профессором. Но я, Прыгунья, не ною, не скулю, у меня все путём. Только вот у Гайдара где-то фраза есть: «И все бы хорошо, да что-то нехорошо», – почему-то стал часто ее повторять».*

А она молчала, ведь работать надо было быстро, очередь нельзя слишком долго томить в неподвижности – распузырятся, разорутся, хорошо хоть терпят, что она вроде как на двоих столько сейчас отвешивает. Только люди ведь не дураки, видят, что из вопёжника – какой-то там «Васька», как из француза китаец. Поняли, небось, сразу, что мужики комедию про армейских друзей ломали, а сами хорошо, если час назад случайно стакнулись.

Но краем уха из его бормотанья кое-что все же уловила: своей Прыгуньей ее называет, про какую-то фразу Гайдара говорит, правильную, кстати, фразу, у нее и самой все время предчувствие, будто что-то нехорошо... Еще про ее прыжок на сто семьдесят пять в каком-то манеже Господа Бога уловила и подумала, что вопёжник задохликом быть перестал, а заумником так и остался... И зря он зациклился на этих ста семидесяти пяти – впрочем, откуда ему знать, что у нее в Москве, городе безжалостном, будто крылья выросли: в манеже сразу пять сантиметров прибавила, а на

стадионе – так вообще восемь. Эх, ее бы в 68-м в Мехико, где чешка со ста восьмьюдесятью двумя чемпионкой стала... но только где она и где Мехико! – безжалостный город крылья ей сперва отрастил, а потом сам же и обломал! Даже в Дортмунд в 66-м не взяли, где, как пить дать, победила бы... Ладно, еще успеет вопёжнику все о себе рассказать, теперь еще не раз увидятся, раз судьба сегодня так распорядилась. Наговорятся и... ой, это грех – такое загадывать! А вот почему грех?! И почему такое не загадывать, если тридцать девять уже стукнуло-шарахнуло? И баста, хватит его отоваривать, пусть лучше побыстрее опять приедет...скажет жене, что пора за мясом – и придет!

Денег хватило, хоть и впритык.

А когда забирал пакеты, волшебным образом даже и для его накачанных рук, сказал:

– Спасибо вам, Светлана!

– Заходите! – ответила она и подмигнула так филигранно, как это умели делать только великие распутницы, да и то в далеком восемнадцатом веке.

К поезду он поспел минут за десять до отхода, заскочил не в последний, шестнадцатый, вагон, а в восьмой, быстро прошел в свой пятый, из пакетов ничего не капнуло, жена наутро была счастлива.

И «соискать» продолжал, и в Москву все так же часто ездил...

Вот только в «Светкин» гастроном зайти не решился. Неловко как-то было: попробуй объяснить себе и ей, что стремился не в мясную лавку из обжорного ряда, а к Прыгунье, которая уже и не Прыгунья.

Гораздо ловчее было забегать к Лиле, которая обвешивала все проворнее, наградные принимала все небрежнее и успевала иногда увлечь его в подсобку, где они ласкали друг друга все стремительнее и горячее.

А потом, когда дефицитом, кроме мяса и того, что из него, стали еще сахар, крупы, мука, творог, подсолнечное масло, вина, туалетная бумага и многое, и многое, и многое; когда впору было устанавливать крепкие горизонтальные связи с целым сонмищем Лиль – все лопнуло практически беззвучно.

И уж какие там прыжки? – их заменили шараханья и метанья.

Вот и Соискатель, успевший все же стать доктором физико-математических наук и профессором, шарахался, метался, обретал, терял, бил, бывал бит – а все же не пропал. Разбогатеть не сумел, но кой-какой достаток обрел.

«И все бы хорошо, да что-то нехорошо»...

А что же нехорошо? – то, пожалуй, что давным-давно ничего не «соищет».

Что, выходя ранним утром с пакетом мусора из подъезда, сначала пытается идти бодрим (как ему кажется) шагом, но вскоре вынужден бывает остановиться и ждать, пока сердце переключится с угрожающей аритмии на тревожный ритм. А потом бредет с пакетом, совсем невесомым для некогда накачанных рук; бредет печально, как на похоронах былых прыжков.

А что же она, Светка, Прыгунья? О, у нее никаких таких похорон не было и не предвидится.

Пока при мясе была, успела и дочечку Ладуньку от хорошего человека – жаль, умер быстро – родить, и квартиру двухкомнатную кооперативную построить, и поднакопить немного – в золотишке и валюте. Так что новая эпоха ее не раздела и не «обула».

Тот мужичок, который ее, Светлану, как-то чудачковато Заей звал и картошечку ей, грехи замаливая, жарил, в 93-м помер от остановки сердца. Умудрился, вечный недотепа, этакое сотворить не дома, а в Польше, куда вызвался ее сопровождать. Пришлось ей важные переговоры – побоку, и вместо нужного товара гроб с телом в Москву везти. Но уж раз живого – от нечего делать – привечала, то и мертвого ведь не бросишь...

И потом ни дня покоя: на Черкизоне точку держала, потом еще две. Не шиковала, коттедж себе не строила, знала: настоящее богатство в любой точке «шарика» должно быть быстро-ликвидно – не зря то, что надежно, называется золотовалютными резервами. Мужиков меняла часто, чтобы к ним не прирастать, даже так, как к тому, который Заей называл и в Польше учудил. А они не прочь были к ней прирасти, что-то такое в ней вроде находили, хотя сама она себе казалась лошадьё в забое, которая возит вагонетки с углем и света Божьего не видит. Которую в шахту опускают раз в жизни – и навсегда...

Но доченька ее, Лада, солнечным светом сверкающая, которую она в «Вышку» (не чета экономфаку МГУ!) учиться отправила, и парень азербайджанец, ее сокурсник, так друг друга полюбили, что едва дипломы получили – и вон из Москвы, в Баку, в родной город Прыгуньи и ее зятя! И она за ними стремглав! И оказалось, что уже накопленного ей еще как на жизнь хватает, тем более, что Лада с мужем (он ее «Ладушка-оладушка» зовет, славно-то как!) быстро в карьерах своих ввысь устремились и все рвутся ей помогать. Да ничего ей, кроме их любви, не нужно! Наоборот, она им помогает, с внуком и внучкой возится. А детишки чудные, тоже светящиеся, так что, когда они с Ладушкой-оладушкой в обнимку сидят и на нее смотрят, она плакать готова, что вот же он, свет Божий, всё ж таки взвидела!

Так что, вопёжник, – думает Светлана, пробегая каждое утро из конца в конец самого длинного в мире и самого прекрасного Приморского бульвара, – это еще как сказать, навсегда ли я ушла из манежа Господа Бога? Ноги, говоришь, у меня были скульптурные? – так ты бы сейчас на них посмотрел, в серо-голубых, цвета воды, лосинах. Увидел бы, как все встречные бегуны смотрят и дивятся, откуда-де у такой стар-бабки такие ноги?

«И все бы хорошо, да что-то нехорошо».

Но что же при таком счастье может быть нехорошо, Господи?!

Обида на вопёжника еще гложет – вот что. Не за то, что в гастрономе больше не появился – она хоть долго потом чуть не каждую неделю новые ладные халаты шила, и блузки под них надевала нарядные, и джинсы на ней были всегда самые фирменные, однако думала: не появится, что, наверное, и к лучшему...

Нет, не за то обида, а за совсем давнее...

Но когда-нибудь он в ее сон придет так надолго, что она успеет рассказать: не могла она тогда в аудитории, где столько позора натерпелась, остаться. Да беда-то вся в том, что, выскакивая, уверена была, дура молодая, что и он следом выскочит.

А он со своими лагранжианами остался.

А она почти до конца пары у аудитории проторчала, пока он внутри при своих лагранжианах оставался.

И потом навсегда с ними остался, а ведь она до сих пор мимо старого здания университета пройти-проехать без сердцебиения не может...

Но ничего, он к ней в сон придет, и она расскажет, что Геннадий Геннадьич, которого, как отца, любила, его ей вроде как сосватал. Так и сказал: «Ты, Светка, за этого вопёжника держись! Он тоже в своем деле Прыгун будет».

Так что выходит, оба они её тренера подвели.

Особенно она...

На русском кладбище могилку его отыскала, ухаживает за ней, знает, что простил он ее.

А она простит своего вопёжника-задохлика-крепыша, чтобы обиды в ней совсем-совсем не осталось.

И скажет: «Знаю же, не просто так пришел, а в совсем дальнюю дорогу собрался. Ну так, давай я тебя перед тем поцелую...».